

У БАЛЮСТРАДЫ танцевальной площадки стоял человек в спортивном костюме. Стоял несколько вечеров кряду, то заложив руки за спину, то опершись подбородком на сложенные кисти рук. И наблюдал...

Менялись позы и места наблюдений, но неизменным казалось одно: стремление угадывать характеры людей (душа человека — в танце). Стремление это не проявлялось внешне: человек был немногословен, неулыбчив, спокоен.

Таким я увидела во время отдыха в Крыму Анатолия Дмитриевича Папанова, народного артиста РСФСР, хорошо известного зрителям по работам в театре и кино.

Однажды он сказал: «Грешен — люблю одиночество. Это помогает сосредоточиться». Но от этого людей рядом с ним не становится меньше. И я обратила внимание: он как-то внутренне отходит немного в сторону, наблюдает, думает о своем и делает это незаметно, тактично, не нарушая общей настроенности, принимая участие в беседах и шутках.

Возможно, подсмотренное, отложившись в памяти артиста, придет ему на помощь при создании новых образов.

На вопрос об этом Анатолий Дмитриевич ответил:

— Наблюдать жизнь в любых ее проявлениях становится для меня все большей необходимостью. Чтобы создать тот или иной обобщенный образ, надо знать его слагаемые, а найти их можно только в жизни.

— Что вы думаете о творчестве артиста с точки зрения его полезности обществу?

— Если артист не идет впереди своего времени, то впереди зритель, и творчество артиста может оказаться бесплодным. Это, конечно, если по большому счету. Влиять на мировоззрение, помогать развитию моральных, этических, эстетических начал в человеке — а именно в этом назначение искусства. — задача трудная. Отмахнуться от нее, значит, уйти от главного, чему посвятил свою жизнь.

— Небывалые темпы развития науки, печать, радио, телевидение действительно расширяют кругозор самых широких масс. Что, по-вашему, в этих условиях дает артисту возможность и право влиять на умы зрителей?

— Глубина знания жизни и искренность чувств, выраженных силой таланта, с одной стороны, с другой, — доступный и актеру, как каждому человеку, процесс познания в различных областях науки и искусства.

— Истина, которая не устаревает: более полутора веков назад Ф. Шюллер писал, что недостаточно одного непосредственного вдохновения, требуется вдохновение образованного духа. Сегодня мы говорим о том же самом. Если принять во внимание, что и знание жизни, и познание в различных областях человеческой деятельности безграничны, то каким образом может артист достичь целей, о которых вы говорите?

— Это зависит от индивидуальности человека. Очень важным представляется мне активное отношение к жизни (равнодушие — враг номер один!), трудолюбие, гуманность, образованность... Кстати, профессиональная школа, институт — это ведь только фундамент. И от человека зависит, каким выстроится здание. Бывает так, что за всю творческую жизнь едва вырастает полэтаж.

Артисту необходимо быть в курсе различных событий в мире вообще, в искусстве, в частности; уметь разбираться в психологии человека, ее внутренних ходах, стимулах, мотивировках. Но для этого надо серьезно изучать такую науку, как психология. В учебных планах театральных институтов психологии уделяется сравнительно мало времени. Поэтому актер должен сам интересоваться этой наукой. И не только этой. Есть много примеров, когда актеры не останавливаются на том, что дает им институт. Поговорите, например, с Сергеем Юрским, и вы без труда обнаружите широту его эрудиции. Его мысль в постоянном движении, развитии. Он многим интересуется, многое изучает (в том числе иностранные языки).

— Вам, Анатолий Дмитриевич, конечно, знакома распространенная точка зрения, что начало всех начал в творчестве актера — его талант. Мы видим плохо сыгранные роли и

досадуси: что-то театр недодал, в чем-то обманул наши ожидания. И думается: если артист не талантлив, зачем он артист?

— Все гораздо сложнее, чем кажется. Конечно, бывает и бесталанность, что греха таить. Но бывает и другое — нераскрытые возможности актера, неверное использование его индивидуальности. И хотя большая доля ответственности за это ложится на режиссера, разобравшись в причинах своих удач и неудач, обязан прежде всего сам актер. Но верная оценка вряд ли возможна до тех пор, пока актер не изучит себя. Надо знать свои возможности — голос, внешность, физические данные, черты характера и уметь этим пользоваться. Евгений Вахтангов говорил Мансуровой: у вас от природы не-

спектаклю. В процессе общения со зрителем появляется особый душевный трепет: чувствуешь, что зритель «поймал» тебя и ведет, ощущаешь его отдачу, начинаешь идти с ним на одном дыхании, в свою очередь ведя его в нужном тебе направлении. И вот этих моментов взаимоведения никогда не заменят ни кино, ни телевидение. В фильме снялся, и ничего не изменишь. Обычно хочется переиграть роли. Только образ Иванова из фильма «Наш дом» не вызвал у меня такого желания да еще, пожалуй, некоторые сцены из «Живых и мертвых»: мне кажется, в театре я сыграл бы Серпилина лучше.

— Зрители видят вас в ролях различных жанров — драматических, комедийных, сатирических, гротеск-

кликнуться на то или иное явление жизни — начинается поиск пьесы. Бывают, конечно, счастливые находки. А бывает, авторы, пользуясь случаем, быстро сочиняют «нечто» на тему. Администрация утверждает это «нечто» к постановке. Так появляются подделки, никому вообще не нужные.

Мне кажется, было бы правильнее, если бы по сценам и экранам страны прошла одна, но высокоталантливая пьеса, скажем, о селе или рабочем классе, об ученых или воинах. Недаром до сих пор не сходят со сцен и «Оптимистическая трагедия», и «Любовь Яровая», «Разгром» и «Первая Конная», и другие талантливые произведения, воспитавшие не одно поколение зрителей. Вряд ли я выжил бы на фронте, если бы

нием, упадет на диван, к нему подбежит врач или массажист... Словом, мне кажется, следует соблюдать какой-то предел раскрытия секретов творчества.

— Есть ли еще какие-нибудь аспекты этого вопроса, — вопроса тайны искусства, отношения зрителя к творчеству актера?

— Пожалуй, есть смысл поговорить о выступлениях профессиональных актеров и певцов на площадях во время праздников. (Особенно в холодное время). Площади огромны, голоса актеров не в состоянии объять необъятное. Площадь движется, шумит. Слушают только впереди стоящие. Театр сейчас приближен больше к интимно-философскому решению образа. А этого с помоста площади не передать ни в одном, даже самом броском отрывке из пьесы. Актер вынужден показываться в наименее привлекательной форме, он «заземляется», теряет основное, во имя чего он здесь, — высокий профессионализм, силу воздействия на зрителя. Выигрывают лишь устроители концертов, ставя галочку о проведенном мероприятии. Праздничные выступления на площадях, мне кажется, надо проводить с учетом их специфики.

— Как вы относитесь к популярности артиста? Помогает или мешает она в жизни и творчестве?

— Я думаю, в любой области деятельности неправильное отношение к своей популярности может превратить человека из профессионала в ремесленника: он перестанет совершенствоваться. Тем более что популярность бывает разная — настоящая и случайная. Например, первая роль артиста на сцене удачно совпала с его индивидуальностью, или на киносъемке после нескольких дублей получились нужные жест и мимика, приятный ракурс — и об актере заговорили как о явлении в искусстве (и уже грядущими висят его фотографии в киосках «Союзпечати»). А дальнейшие работы не подтверждают этого. Такая популярность разрушает, расстраивает актерский духовный инструмент. Артистом сейчас стать нетрудно, но очень трудно выдержать заданный режим жизни и творчества.

— Согласно, известность артиста порой возникает стихийно: ну, понравился зрителям, что тут поделаешь! От артиста зависит, насколько правильно он к этому отнесется. Но нет ли еще и рычагов, так сказать, официального порядка? Управляема ли, с вашей точки зрения, популярность вообще?

— Факты говорят о том, что мы иногда не умеем беречь и популяризировать золотой фонд нашего искусства. Был, например, у нас удивительный чтец Д. Н. Орлов, есть несравненная актриса М. Бабанова и еще целая плеяда крупнейших мастеров. Можете вы сегодня купить их фотографии в киосках, прочесть о них популярную литературу, часто ли слышите их голоса на пластинках, по радио? Зрители либо забывают их, либо, по молодости лет, не знают вовсе. А это целая эпоха в нашем искусстве, это художники, у которых и сейчас можно учиться мастерству и мудрости жизни. Следовательно, в какой-то степени популярность управляема. И причастны к этому и органы культуры, и творческие союзы, и печать.

— Мы оказываемся свидетелями того, что известные артисты театра много снимаются в кино, выступают по телевидению и с эстрады, их голоса нередко слышатся за кадром мультфильмов... Чем объяснить такое обилие точек приложения своего труда?

— Позвольте на ваш вопрос ответить вопросом: что делать артисту, если он постоянно испытывает драматургический голод? Актеров в каждом театре много, а ролей мало, особенно таких, которые хотелось бы сыграть. Что будет с учителем без школы, с токарем без станка? Они станут искать возможность приложения своих сил, не правда ли?

Мне трудно отвечать за других, но думаю, что никакой более серьезной причины тут нет, хотя и извечность, популярность и утеря их не безразличны любому человеку, в том числе и артисту...

Беседу вела К. ЯСИНСКАЯ.

рядом с интересным собеседником

ГОВОРИТ Анатолий Папанов

красивые руки, работайте над ними, сделайте их эластичными, пластичными, они должны быть, как звук скрипки. Неизвестно, сколько времени понадобится актрисе, но она добилась этой пластичности. Я знаю, например, что не могу повторить манеру игры Чаплина, подражать голосу Смоктуновского, заимствовать психологический рисунок Жана Габена. Изучая людей, не всегда можешь воспользоваться их особенностями. В кинофильме «Бриллиантовая рука» я задумал гротесковый характер, лобовой и примитивный. Тем, что получился в фильме, ни я, ни критики недовольны. Видно, было несоответствие образа с моими внутренними и внешними данными. Это еще раз говорит о том, что процесс изучения самого себя нелегок и длителен.

— В чем вы видите силу и в чем слабость актера?

И то, и другое — в том, что актер виден. В том, что он никогда не может замаскироваться, встречаясь со зрителем. Его талант, позиция, тема — все на виду, просвечивается, как через рентгеновский аппарат. Каждый художник — это отдельный мир. Каждый несет в искусстве свою тему, свое отношение к ней. Это может быть ярко выраженная гражданская тема, как у М. Ульянова, или разоблачение целой психологии обывателя, как у Е. Евстигнеева, мотивы женской силы, выражаемые Т. Дорониной эмоционально и тонко, или тема становления человеческой личности, которая вырисовывается сейчас у Н. Теняковой. У каждого свое.

— Что является для вас главным в мастерстве актера?

— Способность к перевоплощению внутреннему, психологическому. Но сочетание внутреннего ощущения образа с его внешним решением для меня необходимо: Люблю гримироваться. Особенно в театре: там «не мешает» крупный план кинокадра. Я не разделяю мнения, что актер должен играть самого себя. Смелость поиска расширяет диапазон творчества. Даже если поиск иногда приводит к неудаче. Какой бы ни была роль — главная она или эпизодическая, — готовиться к ней одинаково сложно: замучаешься ролью, пока найдешь то главное, что видится в этом образе.

— Вы, как и большинство театральных артистов (вы не раз об этом говорили), отдаете предпочтительнее сцене, а не экрану. Почему?

— Если зритель в театре остается равнодушным, начинаешь искать более верную интонацию, пластику, совершенствуя образ от спектакля к

спектаклю. В процессе общения со зрителем появляется особый душевный трепет: чувствуешь, что зритель «поймал» тебя и ведет, ощущаешь его отдачу, начинаешь идти с ним на одном дыхании, в свою очередь ведя его в нужном тебе направлении. И вот этих моментов взаимоведения никогда не заменят ни кино, ни телевидение. В фильме снялся, и ничего не изменишь. Обычно хочется переиграть роли. Только образ Иванова из фильма «Наш дом» не вызвал у меня такого желания да еще, пожалуй, некоторые сцены из «Живых и мертвых»: мне кажется, в театре я сыграл бы Серпилина лучше.

— Ближе те роли, в которых есть хороший драматургический материал. Роль Бродского в «Интервенции» меня привлекает чистотой души и помыслов героя, за внешней сухостью, лаконичностью. Боксера в «Дамокловом мече» Н. Хикмета скрыт огромный внутренний мир, глубокий, емкий характер: люблю немногословную, но с большим внутренним зарядом роль Мангана в пьесе Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца». Всего не перечислишь — сыграл около 100 ролей в театре и около 30 в кино.

— Что касается жанров, то, мне кажется, у нас в драматургии все больше наблюдается их смешение. И это обидно. Потому что именно жанр всегда определял остроту и направленность мысли актера, четкость сценических образов. И надо считаться со зрителем: один человек сегодня настроен так, что может смотреть только комедию, другой — драму, третий — сатиру. Чем больше произведений разных, тем шире охват зрителя, а значит, шире воздействие искусства на людей.

— Есть ли у вас сценические кумиры (в высоком смысле этого слова)?

— Прежде всего я выверяю силы и возможности с вершинами мастерства моих учителей по театральному институту — Тарханова, Леонидова, Телешовой, Сахновского, Дикого, Горчакова, Завадского. Мои сценические кумиры — Б. Шуккин и Н. Хмельницкий. Они привлекли меня какой-то скрытой в них, туго закрученной пружиной, которая в нужную минуту разворачивается с огромной внутренней силой. И как мало сейчас в нашей все растущей актерской семье (да простят мне собратья) таких туго натянутых пружин.

Искусство, которое должно поражать воображение зрителя, часто, гораздо чаще, чем это допустимо, оставляет его равнодушным, а то и активно протестующим. Об этом говорят хотя бы пустующие кресла в иных зрительных залах. Что-то у нас иногда «не закачивается», и это потому, вероятно, что не хватает какого-то очень нужного искусства «вируса заправки».

— Где же искать этот «вирус заправки»?

— Трудно ответить. Многие знают, как известно, от драматургии, режиссуры, актерского мастерства. Не у всех мы встречаем творческое отношение к искусству. Возникает, например, у театра или кинематографа органическая потребность от-

передо мной не стояли образы Чапаева, Корчагина, Петюки. Думаешь о них, и открывается какой-то клапан в душе, вливается в тебя сила, уверенность, желание выстоять, победить смерть. Это трудно объяснить словами.

— Что больше всего привлекает вас в искусстве как зрителя?

— Меня волнуют произведения «не выплеснутые», не разгаданные до конца. Они заставляют думать, мечтать, фантазировать. И в самом актере должна быть таинственность, неразгаданная изюминка. От актера ждешь, что он раскроет какую-то неизвестную тебе грань человеческого характера, общественного явления, обогатит свое видение мира. Словом, искусство должно поражать воображение зрителя, будоражить, обогащать мысль.

Но театр, к сожалению, перестал быть таинством. За кулисы ходят экскурсия, смотрят, как актер гримируется, как работает над ролью. Если бы нам показали, как готовятся иные блюда, мы бы и есть их, наверное, не стали.

Искусство театра, мне кажется, в полную меру может воздействовать на зрителя только в своем законченном виде. Артист не должен быть прочитанной книгой для зрителя — ни его творческая лаборатория, ни его личная жизнь не должны маячить на семи ветрах.

— Но зрителям интересно приобщиться к тому, как создаются произведения искусства. Это дает им более глубокое понимание художественного творчества, а значит, и возможность более точной его оценки.

— Да, но надо иметь в виду и эмоциональное воздействие раскрытия тайны творчества. Приведу примеры.

Недавно по экранам страны прошли два фильма — о репетиционной и закулисной жизни коллективов под управлением Аркадия Райкина и Игоря Моисеева. Фильмы эти — бесценный учебный материал для тех, чьей профессией становится искусство. Ну, а зритель? Я не уверен, что нужно разоблачать перед ним механику внешнего перевоплощения Аркадия Райкина, которое всегда казалось выше человеческих возможностей, было загадочным, а отсюда — притягательным.

После фильма об ансамбле Игоря Моисеева я уже не могу безмятежно наслаждаться легкостью и веселостью танца. Как бы ни улыбался со сцены танцовщик, я знаю: сейчас они вбегут за кулисы, и улыбка сменится гримасой страдания (я видел это на экране!), и артист, обессиленный высоким напряже-